

Проблемные вопросы, возникающие при поддержании государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях, совершёнными несовершеннолетними

При рассмотрении судами уголовных дел в отношении несовершеннолетних государственные обвинители нередко выявляют ошибки и недочеты следствия, устранить которые не всегда представляется возможным. Это ведет к признанию ряда доказательств недопустимыми и, как следствие – к полному или частичному оправданию; в лучшем случае – при нарушении процедуры досудебной стадии уголовного судопроизводства к возвращению дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

Так, одной из распространенных ошибок является нарушение органами следствия требований ст. 422 УПК РФ: при совершении преступлений в соучастии с взрослыми лицами следователями не решается вопрос о выделении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в порядке, установленном ст. 154 УПК РФ. Если следователь придет к выводу, что раздельное производство по делу может повлиять на полноту и объективность исследования обстоятельств совершенных преступлений, то в обязательном порядке должно быть вынесено соответствующее постановление с приведением аргументации принятого решения.

Другой пример недочетов следствия, который влечет безусловное возвращение дела прокурору, – невыполнение требований ст. 421 ч. 3 УПК РФ. По делам о преступлениях средней тяжести или тяжком преступлении в обязательном порядке должно проводиться медицинское освидетельствование несовершеннолетнего с целью установления наличия или отсутствия заболевания, включенного в перечень заболеваний, препятствующих содержанию и обучению несовершеннолетних в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа.

Зачастую суды признают существенным нарушением прав несовершеннолетних подсудимых несоблюдение элементарных формальных требований закона, на которые сторона защиты акцентирует внимание только в ходе судебного рассмотрения дела.

Например, следователи не всегда соблюдают продолжительность допроса несовершеннолетнего,

Г.А. Карусевич

*Заместитель начальника
уголовно-судебного управления
прокуратуры Нижегородской области,
старший советник юстиции*

установленную ст. 425 ч. 1 УПК РФ: без перерыва более 2 часов, а в общей сложности более 4 часов в день. Имели место случаи, когда следователи в действительности делали перерыв в допросе, однако в протоколе это не отражали. Вопрос о том, какое время является достаточным для отдыха, в законе четко не регламентирован, поэтому во избежание в дальнейшем ссылок стороны защиты на нарушение прав несовершеннолетнего подсудимого необходимо после перерыва это обстоятельство выяснять у обвиняемого.

Встречаются ошибки, связанные с нарушением требований ст. 425 ч. 3 УПК РФ. В практике Нижегородского областного суда имелся пример участия в качестве педагога лица, работающего социальным педагогом и не имеющего специального педагогического образования и образования, дающего ему право занимать должность психолога (фактически он был принят на работу в нарушение требований, предъявляемых к кандидатам на эту должность). Поэтому полномочия лица, приглашенного в качестве педагога, должны в первую очередь подтверждаться не только справкой о занимаемой должности, но и копией документа о соответствующем образовании.

Другая ошибка – участие одного и того же лица в качестве педагога и свидетеля (либо иного участника уголовного судопроизводства, в том числе законного представителя). Уголовно–процессуальный закон наделяет каждого участника уголовного судопроизводства отдельными присущими только этому субъекту правами и обязанностями, в связи с чем их совмещение судом признается недопустимым.

Так, по одному из уголовных дел мать обвиняемого имела высшее педагогическое образование и работала заведующей в школе, где он обучался. Следователь, признав ее законным представителем, не стал дополнительно приглашать педагога. Суд счел это нарушением требований ст. 425 ч. 3 УПК РФ, так как статус законного представителя, являющегося участником судопроизводства со стороны защиты, не совместим с обязанностями педагога, призванного обеспечить при допросе соблюдение прав ребенка, объективность и беспристрастность как стороны защиты, так и следователя, прокурора, суда.

Необходимо акцентировать внимание на еще одну особенность производства по делам, где допрашиваются несовершеннолетние: отсутствие жизненного опыта, образования, навыков социального поведения не позволяет подросткам воспринимать и запоминать обстоятельства дела, давать о них показания в той

форме и выражениях, как бы это сделал взрослый. В связи с этим возникают ситуации, когда несовершеннолетнее лицо при допросе в суде, хотя и не меняет показания, однако не может воспроизвести ранее данные показания теми же фразами, какие записаны в протоколах допроса. Такие факты сторона защиты небезосновательно предлагает суду рассматривать как форму давления на это лицо при допросе в ходе предварительного следствия, искажение смысла данных показаний в угоду стороны обвинения. Для избежания подобных ситуаций и необходимо участие педагога: допрос может проводиться через посредника в лице педагога или психолога, который бы разъяснял обвиняемому смысл задаваемых вопросов и помогал сформулировать ответы, то есть обеспечили бы коммуникацию.

Особенность детской психики необходимо учитывать и при квалификации совершенных ими деяний. Склонность к подражанию, особая подверженность влиянию ближайшего окружения, стремление показать самостоятельность и в то же время подчинение складывающейся обстановке, специфическая трактовка в ряде случаев понятий товарищества должны быть проанализированы следователем применительно к каждому несовершеннолетнему обвиняемому и конкретным обстоятельствам дела, чтобы дать правильную и обоснованную квалификацию их действиям. В первую очередь это касается сбора доказательств, подтверждающих наличие квалифицирующего признака «группой лиц по предварительному сговору».

По одному из уголовных дел А., встретив на улице одноклассника, с которым у него сложились длительные неприязненные отношения, затеял с ним очередную словесную ссору. Находившийся вместе с ним З., желая поддержать своего товарища, также стал вести себя вызывающе, провоцируя потерпевшего на драку, затем первым нанес ему несколько ударов по лицу, а когда тот упал, ногами, обутыми в ботинки, около 10 ударов по телу, в том числе в область живота. А., находившийся в этот момент сзади лежащего на боку потерпевшего, также нанес ему 2–3 удара ногой в область поясницы и ягодиц. По заключению экспертов, в результате избиения у потерпевшего имелись телесные повреждения в виде разрыва некоторых внутренних органов, что вызвало причинение тяжкого вреда здоровью, а также кровоподтек ягодицы; механизм образования не менее чем 5–кратное воздействие травмирующего предмета, возможно от ударов обутыми в ботинки ногами; конкретизировать, с какой стороны находились напа-

давшие в момент нанесения ударов не представилось возможным.

Предложенную органами предварительного следствия квалификацию действий А. и З. по ст. 111 ч. 3 п. «а» УК РФ по признаку «группой лиц по предварительному сговору» суд признал необоснованной. Никаких доказательств наличия предварительного сговора суду представлено не было. Более того, спонтанность возникшего умысла, показания З. о том, что он таким образом хотел поддержать и помочь своему товарищу, свидетельствуют об обратном. В связи с отсутствием данного квалифицирующего признака А. и З. могут нести ответственность только за непосредственно совершенные каждым из них действия. Учитывая заключение экспертов и показания о нанесении А. только 2–3 ударов, один из которых повлек кровоподтек ягодицы, суд пришел к выводу, что от его действий тяжкий вред здоровью потерпевшего наступить не мог. Это повлекло пере-квалификацию его действий на ст. 115 ч. 1 УК РФ. Действия З. суд квалифицировал по ст. 111 ч. 1 УК РФ, так как локализация, механизм причинения и количество нанесенных ударов даже при условии, что 2 удара нанес А., свидетельствуют о непосредственной причинно-следственной связи между его действиями и наступившими последствиями.

Вменив квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору», так как, по мнению следователя, причиной конфликта были личные неприязненные отношения между потерпевшим и А., был оставлен без внимания и не получил юридической оценки тот факт, что действия З. были продиктованы хулиганскими побуждениями: сам он с потерпевшим знаком не был, А. никакой опасности не угрожало,

вызывающее поведение З. свидетельствовало о его желании унижить потерпевшего.

К сожалению, органы следствия уделяют мало внимания сбору данных о личности несовершеннолетних обвиняемых, что затягивает время судебного рассмотрения дела. Так, крайне редко следователи выясняют вопросы о наличии у несовершеннолетних обвиняемых самостоятельного заработка, а это имеет важное значение при решении вопросов о возможности назначения наказания в виде штрафа и взыскании гражданских исков; не утруждают себя получением заключения психолого-медико-педагогической комиссии органа управления образования в отношении лиц, имеющих отклонения в развитии, о возможности продолжения обучения в образовательных учреждениях (такая обязанность может быть возложена судом, например, при назначении наказания с применением ст. 73 УК РФ). Особо следует отметить случаи, когда при наличии данных об употреблении алкоголя, токсических и наркотических средств или психотропных веществ – следователи не проводят соответствующих экспертиз, оправдывая это эпизодичностью употребления и мнением родителей об отсутствии у детей устойчивой зависимости. Это является недопустимым и в отношении несовершеннолетних расценивается судом как прямое нарушение требований ст. 196 п. 3.2 УПК РФ.

В заключении хотелось бы отметить, что далеко не все ошибки и недочеты следствия могут быть исправлены государственными обвинителями. Поэтому предотвращение ошибок является более результативным способом достижения выполнения задач уголовного судопроизводства, чем их устранение в суде. ■